

Đ

TESS GERRITSEN

UNDER THE KNIFE

a n o v e l

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

СМЕРТЬ ПОД НОЖОМ ХИРУРГА

р о м а н

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 821.111-31
ББК 84(7Coe)
Г39

16+

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения
Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

*Художественное оформление
Е.Ю. Шурлаповой*

Герритсен Тесс

Г39 Смерть под ножом хирурга: роман / Пер. с англ. Г.Я. Сухоцкой. — М.: Центрполиграф, 2016. — 255 с. — (Иностранный детектив).

ISBN 978-5-227-06731-9

В крупной клинике в Гонолулу происходит трагедия: во время операции умирает пациентка, медсестра той же клиники. Выясняя, не произошла ли врачебная ошибка, анестезиолог Кейт Чесни убеждается, что ее подставили. Теперь ей грозит уголовное наказание. Чтобы спасти себя, она должна сама во всем разобраться, тем более что с некоторых пор ей кажется, что настоящий преступник неусыпно за ней наблюдает и ее жизнь в опасности.

**УДК 821.111-31
ББК 84(7Coe)**

Under the Knife
Copyright © 1990 by Terry Gerritsen
«Смерть под ножом хирурга»
© «Центрполиграф», 2016
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-06731-9

СМЕРТЬ ПОД НОЖОМ ХИРУРГА

р о м а н

ПРОЛОГ

Господи, почему прошлое, возвращаясь, преследует нас?

Из окна своего офиса доктор Танака смотрел, как дождь колотит по асфальту паркинга, и размышлял о том, что спустя столько лет смерть, забрав одну несчастную, вернулась, чтобы уничтожить его.

За окном к своей машине пробежала медсестра в забрызганной дождем униформе. Еще одна, застигнутая ливнем, без зонта. Как часто бывает в Гонолулу, утро выдалось солнечным и ясным. Но к трем часам над горой Кулау стали собираться тучи, и сейчас, когда последние сотрудники клиники отправились по домам, дождь превратился в потоп, заливая улицы бурными потоками мутной воды.

Танака обернулся и взглянул на письмо, лежавшее на столе. Оно пришло неделю назад, но затерялось в ворохе корреспонденции — журналов по акушерству и различных каталогов. Сегодня утром секретарь обратила его внимание на конверт, и его сразу встревожило имя отправителя — Джозеф Кахану. Адвокат.

* * *

Танака подошел к столу, сел в кресло и прочитал письмо еще раз.

«Дорогой доктор Танака!

Как адвокат, представляющий интересы мистера Чарльза Декера, посылаю запрос на все медицинские документы, касающиеся предоставления акушерской помощи миссис Дженнифер Брук, которая была вашей пациенткой до своей смерти».

Дженнифер Брук... Имя, которое ему хотелось забыть.

Глубокая слабость охватила его — полное истощение сил, как бывает у человека, который понял, что больше не в состоянии бороться с собственной тенью. Надо как-то собраться с силами, чтобы добраться до автомобиля. Но он продолжал сидеть неподвижно, глядя на стены своего кабинета. Своего убежища. Взгляд скользил по многочисленным дипломам, медицинским сертификатам, фотографиям. На них улыбались счастливые родители, держа на руках сморщенных новорожденных. Сколько детей с его помощью появились на свет? Он давно потерял счет.

За дверью кабинета раздался резкий звук, заставивший доктора от неожиданности подскочить в кресле. Щелчок дверного замка. Танака подошел к двери и выглянул в приемную.

— Пегги? Вы еще здесь?

В приемной никого не было. Он медленно оглядел пустые диваны и стулья, аккуратную стопку журналов на столике, перевел взгляд на входную дверь. Та была открыта.

В тишине раздался легкий звон металлических предметов, долетевший из одного из смотровых кабинетов.

— Пегги?

Танака вышел в коридор и заглянул в первый кабинет. Гинекологическое кресло, раковина, сверкающая чистотой, шкаф с инструментами. Он выключил свет и перешел в соседний кабинет. Там тоже было все в порядке — безупречный ряд разложенных инструментов, раковина, вытертая досуха. Он пересек коридор и направился в последний кабинет. Потянулся было к выключателю, но рука застыла на полпути... Доктора охватило безотчетное чувство страха. Инстинкт предупреждал, что в комнате таится нечто злое. Нечто угрожающее притаилось в темноте и ждет его.

Ужас погнал его прочь. Но, повернувшись, чтобы бежать, он понял, что опасность близко, прямо у него за спиной, и в тот же момент острое лезвие полоснуло его по горлу. Пошатнувшись, доктор сделал шаг назад, стал падать, зацепив поднос с инструментами. Лежа на полу, он видел липкий от крови линолеум. Его крови. И хотя жизнь уже медленно покидала его, мозг продолжал рационально мыслить и анализировать. Перерезанная артерия. Через несколько минут полное обескровливание. Надо остановить кровотечение...

Ноги стали неметь...

Времени почти нет. На четвереньках Танака пополз к шкафу, где хранились марлевые тампоны. Стекло дверца блестело в полосе света, как маяк, его единственная надежда на спасение.

Внезапно на полосу света упала тень. Он знал, что тот, кто напал, стоит сейчас в дверях, наблюдая за своей жертвой. Но продолжал ползти.

Сознание меркло, но в последние секунды он сумел подняться на ноги и распахнуть дверцу шкафчика. Стерильные пакеты посыпались с полок, он вслепую схватил один, разорвал обертку, вытащил тампон и приложил к шее.

Он не видел, как лезвие взметнулось в финальной дуге.

И вонзилось в спину. Танака хотел закричать, но только тихо выдохнул. Это был последний выдох перед тем, как провалиться в небытие.

Чарли Декер лежал голый на узкой жесткой постели. Он был напуган.

В окно он видел кроваво-красную неоновую вывеску: «Отель «Виктория». Одна буква не горела, и получилось очень похоже на дыру. Да, скорее дыра, чем отель. Темная дыра без проблеска надежды.

Он закрыл глаза, но красный мигающий свет настойчиво пробивался сквозь веки. Тогда он отвернулся и подушкой закрыл голову. Запах несвежего белья был удушающим. Отбросив подушку, он встал и подошел к окну. Внизу на тротуаре блондинка в мини наклонилась к окну «шевроле» и переговаривалась с человеком, сидевшим внутри машины. Доносился смех, музыкальный автомат играл знакомую мелодию. Несло гниющими отбросами — обычный аромат задворков рая. От запаха мутило, но из-за духоты нельзя было закрыть окно. Слишком жарко не только спать, но даже дышать.

Он подошел к столику и включил лампу. Бросились в глаза знакомые строки заголовка.

«Доктор в Гонолулу найден зарезанным».

Капли пота скатывались по груди. Он бросил газету на пол. Сел и обхватил голову руками. Музыка на время стихла, потом заиграла вновь — гитара и ударные. Невидимый певец затянул: «О, беби, беби, я так тебя хочу...»

Он поднял голову, взгляд уперся в фотографию Дженни. Она улыбалась. Она всегда улыбалась. Он погладил фотографию, пытаясь вспомнить, какой была под пальцами ее кожа. Но годы стерли память.

Наконец он открыл свой блокнот, нашел чистую страницу и начал писать.

Они говорили мне постоянно:

Должно пройти время,

Время вылечит душу, время поможет забыть.

И я отвечал им:

Раны души залечить может не забвение, а память.

Воспоминания о тебе,

Запах моря на твоей коже,

Следы маленьких ног на песке.

Память бесконечна.

Вот ты лежишь на песке у моря, смотришь на меня и

дотрагиваешься кончиками пальцев до моего лица.

Солнце просвечивает сквозь них.

И я исцеляюсь.

Я уже исцелен.

Твердой рукой доктор Кейт Чесни стала вводить в вену пациентки двести кубиков пентонала натрия. Столбик бледно-желтой жидкости медленно пополз вниз.

— Сейчас тебе захочется спать, Эллен. Закрой глаза и спи...

— Я пока ничего не чувствую.

— Через минуту почувствуешь. — Кейт ободряюще сжала плечо пациентки. Такие жесты необходимы, чтобы успокоить. Прикосновение. Спокойный голос. — Расслабься, вспомни небо над головой, бегущие облака, — мягко говорила Кейт.

Эллен сонно улыбнулась. Операционные лампы безжалостно высвечивали каждую веснушку, каждую морщинку на ее лице. Никто, даже Эллен О'Брайен, не мог быть красивым на операционном столе.

— Странно, — пробормотала она. — Я совсем не испытываю страха...

— И не должна. Я обо всем позабочусь.

— Я знаю. — Эллен протянула руку, легонько, кончиками пальцев, дотронулась до руки Кейт. Прикосновение было как напоминание, что она не просто пациентка, а еще женщина, друг и коллега.

Двери в операционную распахнулись, стремительно вошел доктор Гай Сантини. Огромный и неуклюжий, как медведь, он выглядел довольно нелепо в своей цветной шапочке.

— Как у нас тут дела, Кейт?

— Пентонал уже действует.

Гай подошел к столу.

— Ты еще с нами, Эллен?

Она улыбнулась:

— Лучше бы я была сейчас в Филадельфии.

Гай засмеялся:

— Ты там скоро будешь. Но без своего желчного пузыря.

— Хорошо бы... Помни, Гай... — прошептала она, — ты обещал — никаких шрамов...

— Я обещал?

— Да...

Он подмигнул Кейт.

— Я тебе не говорил? Медсестры — худшие из пациенток. Самые требовательные бабы на свете!

— Берегитесь, док! — предупредила одна из операционных сестер. — Когда-нибудь попадете к нам на этот стол!

— Ты меня напугала!

Кажется, Эллен наконец уснула. Кейт провела пальцем по ее ресницам — они остались неподвижны.

— Она готова.

— Ах, Кэти, моя дорогая. Ты слишком хороший доктор для...

— Для женщины... Я уже слышала...

— Ну что ж, тогда поехали... — Он пошел мыть руки. — Ее анализы в норме?

— Кровь идеальна.

— ЭКГ?

— Я смотрела ее прошлой ночью. В норме.

Гай отсалютовал.

— С тобой рядом, Кейт, можно ни о чем не беспокоиться. — И он обернулся к операционным сестрам, которые раскладывали инструменты: — И вот что, леди. Наш интерн — левша.

Сестра, помогающая ему, подняла глаза.

— Он хорошенький?

Гай подмигнул:

— Просто мечта девушек, Синди. Я скажу, что ты спрашивала, — и, смеясь, исчез за дверью.

— Как жена его терпит? — вздохнула Синди.

Следующие несколько минут все работали как автоматы. Кейт выполнила все необходимые приготовления. Вставила трубку в трахею, подсоединила к кислородному аппарату, отрегулировала поток газа, добавив необходимое количество окиси азота и форана. Через нее поддерживалась жизнь Эллен. Каждый шаг, несмотря на автоматизм, требовал проверки — двойной, тройной. А если пациент был ей знаком и дорог, тем более. Работа анестезиолога является на девяносто девять процентов нудной рутинной. Но один процент падает на непредвиденные обстоятельства, одна мысль об этом вызывает ужас. Каждый раз она готовилась избежать этого процента голого ужаса. Кризис мог возникнуть мгновенно.

Но сегодня все должно было пройти гладко. Эллен О’Брайен сорок один. И за исключением камня в желчном пузыре, у нее идеальное здоровье.

Гай вернулся в операционную, с тщательно вымытых рук стекали капли воды. За ним следовал долговязый интерн-левша. Оба стали проходить ритуал одевания, сопровождавшийся скрипом латекса.

Наконец вся бригада заняла место у стола. Кейт окинула взглядом лица, скрытые масками. За исключением интерна, все были хорошо знакомы. Энн Рихтер. Пепельные волосы аккуратно заправлены под шапочку, она строга и, если кто-то позволит себе шутку во время операции, обязательно метнет на шутника неодобрительный взгляд.

Гай всегда в хорошем расположении духа, карие глаза за толстыми линзами очков искажены, трудно поверить, что этот неуклюжий, похожий на медведя человек — классный хирург, и скальпель в его руке творит чудеса.

Напротив Гая интерн-левша.

Последняя в ряду Синди — темноглазая смешливая девушка. Сегодня у нее новые тени для глаз под названием «Восточный малахит», отчего она стала похожа на тропическую рыбку.

— Красивые тени, Синди, — заметил Гай, протягивая руку за скальпелем.

— Спасибо, доктор. — Синди со шлепком вложила ему в руку скальпель.

— Мне они нравятся больше, чем предыдущие, кажется «Испанская слизь»?

— «Испанский мох».

— Но эти сегодня неотразимы, верно? — обратился Гай к интерну, у которого хватило ума промолчать, и продолжил: — Да, напомнили мне о любимом цвете. Кажется, он называется «Комет очиститель».

Интерн хихикнул. Синди метнула на него уничтожающий взгляд. Гай сделал первый надрез. На коже появился розовый след, и интерн тут же промокнул кровь тампоном. Они работали, как пианисты в четыре руки.

Сидя около пациентки, Кейт прислушивалась к ритмичной работе аппаратуры. Все шло как надо, все под контролем, она в такие моменты любила свой труд. Вздохи аппарата для вентиляции легких, попискивание кардиографа были успокоительной музыкой к действию, происходящему на операционном столе.

Гай сделал более глубокий надрез, обнажился блестящий слой подкожного жира.

— Мускулы напряжены, Кейт, — заметил он, — у нас будут проблемы с сокращением.

— Посмотрим, как можно помочь. — Кейт повернулась к своему комплекту за крохотной ампулой сукцинилхолина. Этот препарат, введенный внутривенно, расслабит мышцы, что облегчит Гаю проникновение в брюшную полость. Оглядев набор ампул, она нахмурилась: — Энн? У меня только один сукцинилхолин. Добавь мне вторую ампулу.

— Странно, — заметила Синди, — я вчера вечером полностью обновила ваш комплект.

— Почему-то здесь только одна ампула.

Кейт достала ампулу с пятью кубиками кристалльно чистого раствора, набрала половину в шприц и ввела в вену Эллен. Через минуту препарат начнет действовать. Она стала ждать.

Скальпель Гая проник в брюшную мышцу.

— Она все еще напряжена, — заметил он.

Кейт взглянула на часы.

— Прошло три минуты. Эффект должен быть.

— Никакого.

— Ладно, я добавлю еще. — Она набрала в шприц остаток препарата и снова ввела. — Энн, у меня больше не осталось...

Ее прервал резкий сигнал зуммера. Кейт взглянула на экран кардиографа и то, что она там увидела, заставило ее в ужасе вскочить со своего места.

Сердце Эллен О'Брайен остановилось.

Через мгновение все пришло в движение. Подносы с инструментами были отодвинуты в сторону, интерн, взобравшись на стул, снова и снова нажимал на грудную клетку Эллен.

Вот это и был тот самый один процент, которого так боятся все анестезиологи.

Самый ужасный момент в жизни Кейт Чесни.

Стараясь не поддаваться панике, она вводила адреналин снова и снова, сначала в вену, потом напрямую в сердце Эллен. *Я теряю ее*, билась в мозгу мысль, *боже мой, я ее теряю...* На экране появился короткий всплеск — намек, что жизнь еще теплится.

Она взглянула на Энн, застывшую с дефибриллятором в руках, лицо ее было белым как мел.

— Начинай! — крикнула ей Кейт, но Энн не двинулась с места.

За Энн команду выполнила Синди. Гай приложил пластины к груди Эллен и включил разряд.

Ее тело выгнулось, как у куклы, которую дернули за все веревочки сразу.

На мониторе была прямая линия.

Кейт в отчаянной попытке пыталась оживить сердце. Ничего не помогало. Сквозь пелену слез она смотрела на прямую линию, показывающую полную остановку сердца.

— Все кончено, — тихо сказал Гай.

Он сделал знак интерну прекратить массаж сердца. По лицу того стекали крупные капли пота.

— Нет! — Кейт сама положила руки на грудь Эллен. — Нет, нет. — Она снова и снова жала на грудную клетку, отчаянно, сильно, наваливаясь всем весом. Она должна... *Живи, Эллен, ты должна жить...*

— Кейт. — Гай тронул ее за руку.

— Нельзя останавливаться...

— Кейт. — Он мягко, но настойчиво увел ее от стола. — Все кончено, — прошептал он.

Кто-то выключил тревожный сигнал. Настала абсолютная тишина. Медленно подняв голову, Кейт увидела, что все смотрят на нее. Она снова взглянула на прямую линию на экране...

Кейт вздрогнула, когда санитар с треском сокнул молнию на саване Эллен О'Брайен. Она не могла смириться с жестокостью такого конца — этот неподвижный сверток был недавно молодой женщиной, полной жизни. Она отвернулась, когда тележку с телом покатали в морг. Давно скрип колесиков растаял в глубине длинного больничного коридора, а Кейт все стояла одна в операционной.

Сдерживая слезы, она огляделась: на полу разбросанные пустые ампулы, шприцы, тампоны — печальный хаос, сопровождающий каждую смерть в клинике. Скоро все уберут, и не останется следов разыгравшейся здесь трагедии. Ничего — кроме нового тела в морге.

И массы вопросов. О да, вопросов будет много. У родителей Эллен, у администрации клиники, вопросов, на которые у нее нет ответа.

Она стащила с головы шапочку и почувствовала облегчение, когда волосы свободно рассыпались по

плечам. Ей надо было побыть одной, подумать и попытаться понять. Она повернулась к двери и увидела на пороге Гая. На лице его читались недоумение и растерянность.

Он молча протянул ей карту Эллен О'Брайен, потом сказал:

— Электрокардиограмма. Ты говорила, что она в норме.

— Она и была в норме.

— Взгляни сюда.

Она открыла карту, нашла лист с ЭКГ, и первое, что увидела, — свои инициалы наверху, подтверждающие, что она просматривала страницу.

Потом взглянула на сам график. С минуту поражено разглядывала серию в двенадцать черных пиков, их невозможно было не заметить. Картина была предельно ясна. Любой третьекурсник может поставить диагноз по этому графику.

— Вот почему она умерла, Кейт.

— Но... Но это невозможно! Я не могла не увидеть инфаркта!

Он промолчал и отвернулся, что было красноречивее слов.

— Гай, ты же меня знаешь! — продолжала она. — Я никогда бы не пропустила такое...

— Но здесь все предельно ясно. Ради бога, Кейт, здесь стоят твои инициалы!

Они смотрели друг на друга, потрясенные суровой правдой его слов.

— Прости, — извинился он. И вдруг в отчаянии запустил руки в волосы. — Боже мой, у нее был сердечный приступ! Сердечный приступ... А мы потащили ее на операционный стол. — Он взглянул на Кейт. — Это значит, что мы убили ее!

* * *

— Абсолютно ясно, что дело идет о преступной небрежности врача.

Адвокат Дэвид Рэнсом закрыл папку, на которой стояло имя Эллен О'Брайен. И поднял глаза на своих клиентов. Если бы ему пришлось описать одним словом Патрика и Мэри О'Брайен, он выбрал бы слово «серый». Патрик был в унылом твидовом пиджаке, давно потерявшем форму, а Мэри в платье с черно-белым рисунком, выцветшем со временем и слившемся в серое однообразие.

У Патрика дернулась голова.

— Она была нашим единственным ребенком, мистер Рэнсом. Всегда была такой хорошей, никогда не жаловалась. Даже младенцем просто лежала в своей кроватке и улыбалась. Как маленький ангел. — Лицо его сморщилось.

— Мистер О'Брайен, — мягко произнес Дэвид, — я понимаю, что вряд ли это вас может утешить, но обещаю — я сделаю все, что в моих силах.

Патрик покачал головой:

— Дело не в деньгах. Конечно, я не могу работать, моя спина, знаете ли... Но у нее была небольшая страховка и...

— Сколько?

— Пятьдесят тысяч, — ответила Мэри, — она всегда думала о нас. — Ее резкий профиль четко вырисовывался в ярком дневном свете. В противоположность мужу она уже выплакала свои слезы. Сидела очень прямо, и Дэвид знал, что она сейчас чувствует. Боль. Гнев. Именно гнев, он стоял в ее холодных стальных глазах.

Патрик всхлипнул.

Дэвид достал из ящика стола салфетки и положил перед клиентом.

— Может быть, поговорим в другой раз, когда вы будете готовы...

Мэри подняла подбородок.

— Мы готовы, мистер Рэнсом. Спрашивайте.

Дэвид взглянул на Патрика, который слабо кивнул.

— Я боюсь, что вам покажутся сейчас жестокими мои вопросы, и поэтому заранее прошу извинения.

— Продолжайте. — Это опять Мэри.

— Мне нужна информация, прежде чем я смогу подсчитать ущерб. Например, сколько зарабатывала бы ваша дочь, останься она в живых. Она была медсестрой?

— В родильном отделении.

— Знаете ее зарплату?

— Я должна просмотреть ее ведомости.

— Как насчет других иждивенцев? Они были?

— Нет.

— Она не была замужем?

Мэри вздохнула.

— Она была идеальной дочерью. Красивая, умная. Но что касается мужчин в ее жизни... Ей с ними не везло, она совершала ошибки.

Дэвид нахмурился:

— Какие ошибки?

Мэри пожала плечами:

— О, как бывает в наши дни. Когда женщина достигает определенного возраста, она рада вниманию любого мужчины, даже недостойного ее. — Она опустила глаза и замолчала.

Дэвид почувствовал, что они ступили на скользкую почву. В конце концов, его не интересовала

сейчас личная жизнь Элли. Это не имело отношения к делу.

— Давайте взглянем на историю болезни. — Он открыл медицинскую карту. — Ей было сорок один, она сохранила отличное здоровье. У нее были когда-нибудь проблемы с сердцем?

— Никогда.

— Не жаловалась иногда на боль в груди или одышку?

— Элли плавала на длинные дистанции, мистер Рэнсом. Она могла плыть много часов и не уставала. Я никогда не поверю в эту историю с сердечным приступом.

— Но ЭКГ ставит точный диагноз. Если бы мы получили разрешение на вскрытие, мы могли бы подтвердить или опровергнуть его. Но кажется, уже слишком поздно.

Мэри взглянула на мужа:

— Это все Патрик. Он просто не мог даже пред-
ставить...

— Разве они недостаточно ее резали? — Он снова всхлипнул.

Наступило долгое молчание. Потом Мэри тихо сказала:

— Мы развеем ее останки над морем. Она так любила море. С самых малых лет...

Прощание было печальным. Несколько слов соболезнований, рукопожатия, и О'Брайены покинули офис. Но в дверях Мэри остановилась.

— Я хочу, чтобы вы знали: дело не в деньгах. Мне не нужно ни цента. Но они разрушили нашу жизнь, и Бог не забудет этого. Я хочу, чтобы они получили свое.

— Я позабочусь об этом, — пообещал ей Дэвид.

После их ухода он подошел к окну. Сделал вдох и медленный выдох, чтобы успокоиться. Но тяжесть осталась лежать на сердце, он не мог забыть их печаль и гнев.

Шесть дней назад доктор сделал роковую ошибку. И теперь Эллен О'Брайен больше нет.

Она была всего на три года старше меня.

Он сел за стол и открыл папку с делом Эллен. Пробежав вновь глазами медицинский отчет, вернулся к биографии двух врачей.

Доктор Гай Сантини имел впечатляющий послужной список. Сорок восемь лет. Хирург, выпускник Гарварда, он был на пике карьеры. Список публикаций занимал пять страниц. Большинство научных трудов посвящены болезням печени. Один раз привлекался к суду, но дело выиграл. Но не Сантини был его основной целью. Его цель — анестезиолог.

Доктор Кэтрин Чесни, ее карьера тоже производила впечатление. Бакалавр университета в Беркли, доктор медицины, работала анестезиологом в бригаде реанимации при университете в Сан-Франциско. Всего тридцать лет, но уже внушительный список научных работ. Она поступила в клинику примерно год назад. Фотографии в досье не было, но Дэвид сразу представил стереотип женщины-анестезиолога — старомодная прическа, бесформенная фигура и лошадиное лицо, но при этом высокоинтеллектуальное.

Дэвид откинулся на спинку кресла и нахмурился. Безупречное досье никак не вязалось с некомпетентностью врача. Как она могла допустить столь банальную ошибку?

Он закрыл папку. Какими бы ни были ее оправдания, Кэтрин Чесни приговорила пациентку к

смерти под ножом хирурга. И теперь должна ответить за свое преступление.

И он постарается, чтобы возмездие ее настигло.

Джордж Беттенкурт презирал докторов. Это персональное мнение главного администратора делало его работу в клинике затруднительной, потому что приходилось работать постоянно в тесном контакте с персоналом. У него был диплом магистра экономики и магистра медицинского менеджмента. За десять лет работы в клинике он достиг небывалых вершин, чего не могла сделать старая администрация, он превратил клинику из сонного царства в весьма прибыльный бизнес. Но наградой от этих глупых маленьких божков в белых халатах была лишь критика в его адрес. Они отворачивали носы от самой идеи, что их святая работа по спасению людей может быть продиктована его бизнес-планами. Но голая правда была в том, что спасение жизни было таким же бизнесом, как продажа линолеума. Беттенкурт знал это. Доктора — нет. Эти идиоты вызывали у него головную боль.

И вот сейчас эти двое, сидевшие напротив, породили такую мигрень, какой он не испытывал долгие годы.

Доктор Кларенс Эвери, седовласый шеф анестезиологов, не был проблемой. Этот старый дурак стеснялся собственной тени, так был застенчив; не мог вообще никому возразить. С того дня, как тяжело заболела его жена, Эвери ходил как лунатик. Да, его нетрудно уговорить, тем более что репутация клиники висела на волоске.

Нет, его беспокоил другой собеседник, и это была женщина. Она была новенькой в штате клиники, и он не слишком хорошо ее знал. Но как только она появилась в кабинете, сразу почувствовал, что его ждут неприятности. У нее был прямой взгляд и подбородок борца за справедливость. Впрочем, она была довольно привлекательной, хотя непокорные пряди каштановых волос не поддавались расческе и она давно не держала в руке тюбик с губной помадой. Взгляда пронзительных зеленых глаз было достаточно, чтобы мужчина обернулся ей вслед, глаза заставляли забыть о недостатках. Да, она была весьма недурна.

Жаль, что она все испортила. Оставалось надеяться, что она не сделает положение еще хуже своим непредсказуемым поведением.

Кейт моргнула, когда Беттенкурт бросил перед ней на стол какой-то лист бумаги.

— Сегодня в наш юридический отдел пришло письмо, доктор Чесни. Не по почте, его принес посыльный. Вам надо ознакомиться с ним.

Она бросила взгляд на заголовок, и у нее все сжалось внутри от плохого предчувствия. «Охара и Рэнсом, судебные адвокаты».

— Лучшая контора в городе, — объяснил Беттенкурт и, увидев ошеломленное выражение ее лица, добавил нетерпеливо: — Вас и нашу клинику привлекают к суду, доктор Чесни. За преступную халатность. Дэвид Рэнсом ведет дело.

У нее пересохло в горле. Она медленно подняла на Беттенкурта взгляд.

— Но я не понимаю...

— Умерший во время операции пациент.

— Но я объяснила, как все случилось. — Она повернулась к Эвери: — Помните, на прошлой неделе я вам сказала...

— Кларенс обсудил это со мной, — оборвал ее Беттенкурт, — и сейчас не время спорить.

— Но какой выход?

— Нам грозит иск в миллион долларов. Мы, как ваше руководство, несем за вас ответственность. Но не только деньги имеют значение. Наша репутация — вот главное.

Кейт поняла, что последует за таким зловещим заявлением. И сразу потеряла дар речи. Сидела, стиснув на коленях руки, и ждала, когда он нанесет удар.

— Тяжба плохо отразится на всей клинике, но еще хуже, если дело перейдет в суд, тогда последует большая огласка. Люди, пациенты прочитают и отшатнутся от нас. Впрочем, я вижу, что до сих пор ваша работа была вполне приемлемой.

Кейт вздернула подбородок.

— Приемлемой? — повторила она и взглянула на своего начальника.

Эвери прекрасно знал, что до сих пор ее репутация была безупречна. Он заерзал на стуле, его блеклые голубые глаза избегали ее взгляда.

— Ну, вообще-то, — промямлил он, — до сих пор работа доктора Чесни была более чем приемлемой...

Господи, старик, да заступись же за меня!

— На нее никогда не поступало жалоб, — закончил фразу Эвери.

— Тем не менее, — продолжал Беттенкурт, — вы нас поставили в весьма трудное положение. И поэтому мы решили, что будет лучше, если ваше имя больше не будет связано с нашей клиникой.

Наступила долгая тишина, слышалось лишь нервное покашливание доктора Эвери.

— Мы просим вас подать заявление, — уточнил Беттенкурт.

Вот оно. Удар нанесен. Как будто гигантская волна накрыла ее и оставила беспомощной и дрожащей на песке. Она спокойно спросила:

— А если я откажусь подавать заявление об уходе?

— Поверьте, доктор, ваш уход будет лучше для вашей биографии, чем...

— Увольнение...

Он наклонил голову:

— Мы поняли друг друга.

— Нет. — Кейт гордо выпрямилась. Холодная самоуверенность Беттенкурта не нравилась ей и раньше, а сейчас она его окончательно невзлюбила. — Вы меня не поняли.

— Но вы же умная женщина. Вы сами знаете, что мы не можем допустить вас теперь в операционную.

— Но это неправильно... — вдруг запротестовал Эвери.

— Простите? — Беттенкурт нахмурился и грозно взглянул на старика.

— Вы не можете просто ее выгнать. Она дипломированный врач, и существуют всякие комитеты, которые разбирают врачебные ошибки.

— Я хорошо знаком со всеми процедурами, Кларенс! Просто надеялся, что доктор Чесни трезво оценит ситуацию и поступит благоразумно. — Он снова взглянул на нее. — Так будет лучше для вас. Мы не станем портить ваш послушной список. Просто в досье появится уведомление, что вы ушли по собственному желанию. Я отпечатаю необходи-

мый документ, он будет готов через час. Все, что надо от вас... — И осекся, увидев выражение ее глаз.

Кейт редко сердилась. И как правило, умела держать себя в руках. Но сейчас она сама испугалась охватившего ее бешенства.

— Поберегите вашу бумагу, мистер Беттенкурт, — с убийственным спокойствием произнесла она.

— Что ж, если таково ваше решение... — Беттенкурт посмотрел на Эвери. — Когда у нас следующее заседание врачебной комиссии?

— Э-э-э... в следующий вторник, но...

— Внесите в повестку дня дело О'Брайен. Мы дадим возможность доктору Чесни объяснить свое поведение на комиссии. — Он повернулся к Кейт: — Вас будут судить коллеги, и это я нахожу справедливым. А вы?

Она проглотила свои возражения. Если сейчас она позволит себе высказать все, что думает о докторе Беттенкурте, ей больше никогда не работать в этой клинике. Или где-то еще. Он прилепит ей ярлык возмутителя спокойствия. Что внесет ее в черный список навсегда.

Они расстались вежливо. Для женщины, чью карьеру только что разорвали на куски, она сумела выдержать все представление достойно до самого конца. Обменялась рукопожатием с Беттенкуртом и, пока шла к двери, старалась держаться прямо, так же прошла по длинному коридору, но в лифте как будто что-то оборвалось. И когда двери вновь открылись, ее всю трясло. Ничего не видя вокруг, она пробежала через холл, и только сейчас ее пронзило осознание всего, что только что произошло.

Меня осудят. Меньше года работы здесь, и меня будут судить.

Ей всегда казалось, что суды и катастрофы где-то далеко и ее не коснутся. Никогда не могла представить, что ее станут судить за некомпетентность.

Ей стало дурно, и она прислонилась к стенке телефонной будки. Взгляд упал на свисавший с полки на цепочке телефонный справочник. *Если бы они знали факты... Если бы я смогла им все объяснить...*

Всего несколько секунд понадобилось, чтобы найти нужный номер. «Охара и Рэнсом. Адвокатская контора». Офис был расположен недалеко, на Бишоп-стрит. Она вырвала страницу и, вдруг почувствовав отчаянную надежду, поспешила к выходу.

ГЛАВА 2

— Мистер Рэнсом занят.

У секретаря в приемной, строгой седой дамы со стальным взглядом, было лицо будто сошедшее с обложки журнала «Американская готика». Скрестив руки на груди, всем своим видом она давала понять, что пресечет любую попытку проникнуть в офис шефа.

— Но я должна его увидеть! — настаивала Кейт. — Это касается дела...

— Разумеется, — сухо прервала ее дама.

— Я только хочу ему объяснить...

— У него совещание.

Терпение Кейт готово было лопнуть. Она склонилась над секретарским столом и с вежливой яростью произнесла:

— Совещания не продолжаются вечно.

Секретарь улыбнулась:

— Это совещание именно такое.

Кейт ответно улыбнулась:

— Я подожду.

— Доктор, вы тратите свое время! Мистер Рэнсом никогда не встречается с обвиняемыми. Если возникнет нужда вас выпроводить, то я ни секун-

ды... — В это время зазвонил телефон, и, схватив трубку, она отрывисто произнесла: — Слушаю. Контора «Охара и Рэнсом»! О, мистер Матесон, — она демонстративно повернулась к Кейт спиной, — да, эти документы у меня...

Кейт оглядела приемную. Заметила кожаный диван, картину известного художника на стене и изысканную икебану. Все хорошего вкуса и, безусловно, дорого стоило. Контора процветала. На поте и крови докторов, подумала она с отвращением.

Внезапно послышались громкие голоса, и она увидела, как в коридор из конференц-зала вывалилась небольшая компания молодых людей обоего пола. Который из них Рэнсом? Она всматривалась в лица, но ни один по возрасту не подходил для старшего партнера известной фирмы. Она обернулась — секретарь все еще сидела к ней спиной. Теперь или никогда.

Доля секунды понадобилась для принятия решения. Кейт проскользнула в зал и замерла у входа, ослепленная ярким солнечным светом. От дверей тянулся длинный стол для заседаний, обрамленный с обеих сторон рядами стульев. Вливавшийся через окна поток солнечного света падал сзади на человека, сидевшего во главе стола напротив двери. Солнце золотило его светлые волосы. Не обращая внимания на Кейт, он внимательно просматривал лежавшие перед ним бумаги. В тишине был слышен лишь шелест переворачиваемых страниц.

Она проглотила комок в горле и выпрямилась.

— Мистер Рэнсом?

Рэнсом поднял голову, без выражения глядя на нее.

— Да. Вы кто?

— Я...

— Простите, мистер Рэнсом! — раздался позади возмущенный голос секретаря. Взяв Кейт за руку, она пробормотала: — Я же сказала вам, что он занят. Пройдите со мной...

— Я только хотела с ним поговорить!

— Вызвать охрану или вы самостоятельно покинете помещение?

Кейт выдернула руку.

— Попробуйте.

— Не заставляйте меня прибегать к силе...

— Какого черта здесь происходит?

Громкий голос эхом прокатился в пустом зале, и обе замолчали. Кейт почувствовала на себе внимательный взгляд.

— Кто вы такая?

— Кейт... — Она сбавила тон и старалась говорить спокойно. — Доктор Кейт Чесни.

Последовала пауза.

— Так. — Он снова склонился над бумагами. — Выведите ее отсюда, миссис Пирс.

— Я просто хотела сообщить вам некоторые факты! — настаивала Кейт, но секретарь уже тащила ее к двери, вцепившись хваткой бульдога. — Значит, вы не хотите знать правды? Вам так удобнее, это ваш метод? — Он не отвечал, игнорируя ее. — Вам наплевать на правду, так? Вы не хотите слышать, что на самом деле случилось с Эллен О'Брайен!

Он поднял голову, пронзительный взгляд задержался на ее лице.

— Подождите, миссис Пирс. Я передумал. Пусть доктор Чесни останется.

Миссис Пирс была поражена.

— Но... Она может быть опасна!

Он снова перевел взгляд на разгоряченное лицо возмутительницы спокойствия.

— Думаю, что справлюсь. Вы можете идти, миссис Пирс.

Пробормотав что-то неодобрительное, миссис Пирс ушла. Дверь за ней закрылась, и сразу стало очень тихо.

— Ну, доктор Чесни, — заговорил он, — теперь, когда вы совершили маленькое чудо, проникнув ко мне против воли миссис Пирс, вы так и будете стоять в дверях? — Он указал на стул возле себя. — Сядьте. Не станете же кричать мне через весь зал.

Его холодная ирония не позволила расслабиться, наоборот, обстановка становилась все более напряженной. Под его пронзительным взглядом она с трудом преодолела несколько шагов. Он оказался моложе, чем она ожидала: несмотря на известность, ему не было и сорока. Респектабельный костюм и галстук были безупречны, но сильный загар и выцветшие на солнце светлые пряди смягчали строгость облика. Повзрослевший серфер. Наверное, с детства занимался серфингом, на эту мысль наводили широкие плечи и длинные конечности. Нос с горбинкой и угловатые черты не позволили бы назвать его красавцем. Она сразу отметила глаза — они были холодного голубого цвета, цепкие, ничего не упускающие, видевшие насквозь. Теперь эти глаза разглядывали ее так внимательно и досконально, что ей захотелось прикрыть руками грудь.

— Я пришла, чтобы сообщить вам некоторые факты, мистер Рэнсом.

— Как вы их видите?

— Как они есть на самом деле.

— Не трудитесь. — Он достал из портфеля папку с делом Эллиен О’Брайен и выложил ее на стол. — Все факты здесь. Все, что мне надо.

Все, чтобы тебя повесить, хотел он сказать.

— Нет, не все.

— И вы собираетесь снабдить меня недостающими деталями? — Он улыбнулся, и она сразу безошибочно разглядела угрозу в этой улыбке. У него были идеальные острые белые зубы, и у нее мгновенно появилось чувство, что она видит челюсти акулы, готовые сомкнуться.

— Я собираюсь поделиться с вами правдой.

— О, естественно. — Он отодвинулся вместе со стулом от стола, вид у него стал скучающий. — Скажите, ваш адвокат знает, что вы здесь?

— При чем здесь мой адвокат? Я не говорила ни с каким адвокатом...

— Тогда вам лучше ему позвонить, и немедленно. Скоро он вам очень понадобится.

— Но это просто огромное недоразумение, мистер Рэнсом. Если вы меня выслушаете, я убеждена...

— Подождите. — Он вытащил из портфеля диктофон.

— Что вы собираетесь делать?

Он нажал на кнопку записи.

— Начинайте вашу историю. Я весь внимание.

В ярости она попыталась выключить устройство.

— Уберите эту штуку. Я еще не даю показания под присягой.

Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу, потом он убрал диктофон, и она на миг почувствовала торжество.

— Так на чем мы остановились? — Его тон был холоден и вежлив. — О да, вы собирались мне рассказать, что в действительности произошло в операционной. — И он откинулся на спинку стула с таким видом, как будто приготовился смотреть представление.

Кейт помедлила. Теперь, когда он был готов ее выслушать, она не знала, с чего начать.

— Я... Я всегда очень осторожна в решениях, мистер Рэнсом. Может быть, я не обладаю, как другие, блестящим интеллектом, но я изучаю детали, тщательно взвешиваю за и против и никогда не делаю глупых ошибок.

Он поднял бровь, и стало ясно, что он думает о таком заявлении. Однако она проигнорировала молчаливый сарказм и продолжала:

— В ту ночь, когда Эллен О'Брайен поступила в отделение, ее принял доктор Сантини. Я писала все распоряжения по наркозу, проверяла анализы, в том числе и ЭКГ. Был воскресный вечер, техник куда-то отошел, я никуда не торопилась и сама взяла кардиограмму Эллен, которая была членом нашего коллектива, одной из нас. Она спросила меня, все ли нормально.

— И вы сказали, что да.

— Да. Все и было нормально, включая ЭКГ.

— И ошиблись.

— Я уже сказала, что не делаю поспешных заключений и глупых ошибок. И той ночью тоже не сделала.

— Кардиограмма находится у меня, как и вся история болезни. Она показывает инфаркт.

— Но эта не та ЭКГ, которую смотрела я!

Рэнсом непонимающе взглянул на нее.

— ЭКГ, которую видела я в ту ночь, была в норме, — настаивала Кейт.

— Тогда каким образом чужая кардиограмма попала в карту?

— Думаю, кто-то ее туда подложил.

— Кто?

— Я не знаю.

— Понятно, — отворачиваясь, пробормотал Рэнсом, — не могу дождаться, чтобы услышать, какое впечатление это произведет на суд.

— Мистер Рэнсом, если бы я ошиблась, то первая созналась бы в этом!

— Значит, вы на удивление, просто кристально честны.

— Неужели вы действительно думаете, что я способна сочинить такую глупую историю, чтобы выпутаться?

Он вдруг рассмеялся, и этот смех заставил ее вспыхнуть.

— Нет. Я думаю, что вы придумали бы что-нибудь более правдоподобное. — И добавил тоном, полным иронии: — Просто умираю от нетерпения узнать, как такая ошибка могла произойти? Как попала чужая ЭКГ в карту пациентки?

— Но откуда мне знать?

— У вас должна быть какая-нибудь версия.

— Ее нет.

— Ну же, доктор, не разочаровывайте меня.

— Я сказала — не знаю.

— Тогда хотя бы предположите!

— Может быть, ее сканировали пришельцы! — взорвалась она.

— Прекрасная идея. Но вернемся к реальности. Каким образом этот лист бумаги, — он указал на ЭКГ, — попал сюда?

— Я уже сказала. Сама чуть с ума не сошла, пытаюсь понять! Мы делаем в день до сотни ЭКГ. Возможна ошибка персонала.